

В.Я. Петрухин

ФИНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ*

Памяти Е.А. Рябинина

Проблема взаимодействия с финнов с восточными славянами была поставлена Начальной летописью — «Повестью временных лет» (ПВЛ), утверждавшей, что начало русской истории связано с данью, которую собирали варяги, «приходяще изь заморья, на чюди, на словенехъ, на меряхъ и на всехъ кривичах».

Эта простая по синтаксису фраза подверглась, однако, конъектурным исправлениям в современных изданиях¹, ибо издатели усмотрели в перечне племен-данников белозерскую весь. Соответственно дань брали «на чюди, на словенехъ, на меряхъ и на всехъ[,] кривичах», а призывали варягов не только «чюдь, словене, кривичи и вси», а «чудь, словене, кривичи и весь». Конъектура основывалась на методах шахматовской реконструкции текста начального летописания: в летописной легенде о призвании варяжских князей сказано, что один из призванных братьев — Синеус получил Белоозеро, где (согласно космографическому введению к ПВЛ) сидела весь. И хотя в Новгородской первой летописи (НПЛ), каковую А.А. Шахматов считал коррелятом начальной редакции летописного текста, нет упоминания о варяжской дани со «всех кривичей», а приывают варягов лишь чудь, словене и кривичи, возможности «историцистской» реконструкции текста оказались тогда важнее. Позднейшие издатели настаивали, что перепис-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам», поддержанного решением Научного совета Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

¹ ПВЛ в Лаврентьевской редакции под 859 г.: ПВЛ. С. 148. Ср. Ипатьевскую редакцию: БЛДР. Т. 1. С. 74. Ср. конъектуру *вьсь*, при которой этот народ включается в войско Олега под 882 г. (ПВЛ. С. 14), при том что в Лаврентьевской и Радзивиловской редакциях речь опять-таки идет о «всех кривичах». Нет веси и в многоплеменном войске Олега, идущем на Царьград под 907 г.

чики древних сводов приняли этникон *vesь* за местоимение². Скорее, древние редакторы и современные интерпретаторы текста ПВЛ не поняли значения местоимения: в отношении «всех кривичей» оно имело смысл в контексте космографического введения, где кривичи располагались в обширном регионе у истоков трех трансконтинентальных магистралей — Западной Двины, Днепра и Волги. НПЛ была лишена космографического введения, удаленного при сокращении ПВЛ, и словосочетание «все кривичи» стало непонятным. Столь же неясным и анахронистическим для новгородского летописца было выражение «вся русь» в отношении пришедшей с призванными князьями дружины — он заменил его на «дружину многу и предивну»: ведь русь для новгородца пребывала в Киеве, а не в «заморье». А.А. Шахматов, признававший «заморское» (скандинавские) происхождение имени *русь*, воспринимал его (вслед за летописцем) как обозначение народа и интерпретировал выражение «вся русь» в буквальном смысле: летописец использовал это выражение, потому что знал, что в Скандинавии нет народа русь, стало быть, призванные князья переселили весь этот народ с собой в Восточную Европу³. Между тем от имени «всей руси» был заключен первый договор с греками (911 г.) — речь явно шла о дружине, диктовавшей условия договора⁴.

Финская историческая ономастика позволяет прояснить происхождение и значение имени *русь*. В этом виде оно было воспринято славянами при прибалтийско-финском посредстве: финны именуют Швецию *Ruotsi*, на что указал в XVIII в. еще Г.Ф. Миллер, эстонцы — *Rootsi*⁵, что указывает на участие летописной чуди в передаче шведского наименования славянам: со времен В. Томсена принято считать, что это наименование означало не народ/племя, а дружину «гребцов»⁶, ведь по рекам Восточной Европы невозможно было перемещаться на «длинных» кораблях викингов, приходилось рассчитывать на гребные суда⁷.

²БЛДР. Т. 1. С. 493.

³Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. IX, кн. 4 (репр.: Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2.).

⁴См. о договорной лексике: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Москва; Смоленск, 1995. С. 123–125.

⁵Ср. о других прибалтийско-финских языках: Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 217.

⁶Историография вопроса обстоятельно разобрана в недавно защищенной диссертации: Соколов С.В. Концепции происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дисс... к. и. н. Екатеринбург, 2011.

⁷Ср.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

Только недоумение может вызвать подход к этой этимологии В.В. Седова. «Археолог, — писал он, — не может согласиться с такими построениями. Если *Ruotsi / Roots* является общезападнофинским заимствованием, то оно должно было проникнуть из древнегерманского не в вендельско-викингское время, а раньше — до распада западнофинской общности, то есть до VII–VIII вв., когда уже началось становление отдельных языков прибалтийских финнов»⁸. Исследователь смешивает здесь позиции археолога и филолога: с точки зрения археолога контакты с германцами на Балтике были постоянными, начиная с неолита — бронзового века⁹ (что соответствует раннему проникновению обозначения шведов — «гребцов» в прибалтийско-финские языки).

Схожие обозначения шведов в прибалтийско-финских языках позволяют предполагать раннюю датировку формирования имени *русь* в славянском (праславянском): эту дату связывают с готской эпохой, перечнем «северных народов» державы Германариха у Иордана, напоминающим перечень народов в космографическом введении ПВЛ. «*Golthescytha Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens*» (Getica 116) и т. д. увязывались с голядью (*Golthescytha*), чудью (*Thiudos*), даже весью (*Vas*), не говоря уж об «очевидных» мере и морд-ве¹⁰. Хотя собственно руси нет в этом списке, контекст провоцирует на поиски места руси рядом с чудью, как в Начальной летописи¹¹, или на поиски синхронного этника, напоминающего имя русь — в том числе пресловутого народа *хрос* Захарии Ритора (VI в.), упомянутого этим

⁸ Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 66.

⁹ Луото Ю. Балтийские контакты в эпоху каменного века в Финляндии // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 135–144. См. специально о ранних контактах земель Эстонии / чуди со Скандинавией: Казанский М.М. О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 330–336; Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006.

¹⁰ Седов В.В. Этногеография Восточной Европы середины I тыс. н. э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 9–15; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV — первой половины VI века в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 26–72; ср. анализ в комментарии Е.Ч. Скржинской: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 265–266; а также см.: Korhonen I. The Peoples of Hermanaric, Getica 116. Helsinki, 1975; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чужь // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 40–50; с естественной остороженностью к множющимся кабинетным этимологиям относился А.Н. Анфертьев, см.: Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 98–160.

¹¹ Ср.: Лебедев Г.С. Русь и чужь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Историко-археологическое изучение древней Руси. Л., 1988. С. 79–98.

сирийским компилятором вслед за амазонками среди других монстров края ойкумены¹².

Прибалтийско-финская *весь* / *вепсы* оказалась в центре подобных конструкций в связи с очередной архаизирующей русь «герульской версией» происхождения наименования *русь* у норвежского востоковеда Х. Станга. Естественно, эта версия не обходится без упомянутой безосновательной конъектуры, предполагающей участие вепсы в призвании варяжских князей с их русской дружиной; перенесение названия *Ruotsi* на Швецию в этой замысловатой конструкции связывается с «игрой слов», которой занимались эрулы / герулы, возвращаясь в VI в. из Восточной Европы на Балтику через земли славян¹³.

Верифицирующей возможностью обладает при мультипликации подобных этнокультурных конструкций археология. Е.А. Рябинин, проанализировав археологические источники, показал, что «до последней четверти X в. летописная *весь* оставалась в стороне от непосредственных этнических контактов со славянами»¹⁴. Более того, Н.А. Макаров (вслед за А.Н. Башенькиным¹⁵) настаивает, что на берегу Белого озера «небольшая группа (вепсов. — В.П.) памятников совершенно не соответствует летописным характеристикам вепсы как одного из главных участников событий, связанных со становлением Северной Руси»¹⁶. Впрочем, «главным участником» исторических событий *весь* можно считать, лишь принимая приведенную выше конъектуру, трансформирующую текст летописи. К концу X в. не только *весь*, но и славяне и «небольшое количество скандинавов» стали жи-

¹² Ср.: Максимович К.А. К происхождению этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006; см. продолжающуюся критику этой беспочвенной конструкции: Кулешов Вяч.С. К оценке достоверности этимологий слова *Русь* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 441–459.

¹³ Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000. С. 65.

¹⁴ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. С. 102.

¹⁵ Отмечая традиционные связи финских памятников Молого-Шекснинского междуречья с Поволжьем (Прикамьем) на протяжении позднего железного века, А.Н. Башенькин (*Башенькин А.Н.* Финно-угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 119–131) склоняется в тому, чтобы отнести летописную *весь* к группе поволжско-финских, а не прибалтийско-финских народов. На близость вепсы поволжской летописной мере, в том числе в контексте летописи, писал и Н.А. Макаров (*Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 95): в космографическом введении ПВЛ (ПВЛ. С. 8) *весь* действительно упомянута среди поволжских финнов — между муромой и мордой.

¹⁶ Макаров Н.А. «На Белозере сеять Вепсы» (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 234.

телями Белоозера¹⁷, что, очевидно, нашло отражение в «варяжской легенде» летописи¹⁸.

В исторической интерпретации варяжской легенды А.А. Шахматова занимала фольклорная составляющая, которую он считал самодовлеющей: трех братьев — варяжских князей — должна была призывать «фольклорная» троица племен. То были словене, кривичи и меря, упомянутые в редакции НПЛ — предшествующего ПВЛ Начального свода в конструкции А.А. Шахматова. Далее следует абберрация: поскольку в Начальном своде (НПЛ) говорилось о том, что Синеус сел на Белоозере, а там обитала весь, то составитель ПВЛ включил весь в число призывающих князей племен; дело, однако, в том, что в Начальном своде (в шахматовской реконструкции) не было космографического введения с упоминанием веси, а составитель ПВЛ, знавший из этого введения о веси, сидящей на Белоозере, не включал *весь* в состав призывающих варягов племен — речь в ПВЛ шла о «всех кривичах» или всех племенах, правомочных заключить «ряд» с призванными князьями.

Не меньше манипуляций в шахматовской реконструкции связано с упоминанием чуди: в редакции НПЛ / Начального свода текстолог, видимо, не без основания, считает вставными слова о самоуправлении чуди: варяжские данники — словене, кривичи и меря «своимь родомь владыше, а Чюдь своимь родомь»¹⁹. Но что заставило составителя НПЛ сделать эту вставку? Не иначе как традиция, включающая чужь в число варяжских данников и участников призвания варягов, свойственная всем редакциям ПВЛ. Стало быть, варяжская легенда в редакции ПВЛ была все же первичной по отношению к НПЛ, составитель которой изъяс ненужное в Новгороде космографическое введение к летописи

¹⁷ Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 125. Ср.: Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 119–133.

¹⁸ Заметим, что народ ису / вису упоминается наряду с народом юра / югра и варангами / варягами у восточных авторов XI–XII вв. Якута и Бируни, ср.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 834; Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. II. С. 254–255. Особая проблема — отношения вису / веси и волжских болгар: они платили харадж болгарам, согласно данным ал-Гарнати, относящимся к XII в. (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайт. М., 1971. С. 101); о регулярном торговом обмене между вису и тюрками-болгарами сообщает в 920-е гг. Ибн Фадлан (Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 138). Традиционными представляются связи Белозерского региона с Поволжьем и Приладожьем (Башенькин А.Н. Финно-угры, балты, славяне и скандинавы) на «балтийско-каспийском пути» [см. обзор: Смокотина Д.В. Балтийско-каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): Опыт исторической реконструкции. Томск, 2012].

¹⁹ НПЛ. С. 106.

си²⁰. Чудь (как и весь) была «на месте» в списке северных народов космографического введения: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра» и т. д.²¹ Фразеологизм «чудь и вси языци» означает, что обобщающий этникон *чудь* относится ко всем финно-угорским народам (это отношение к «чужим» сохранила русская фольклорная традиция)²²; проблемой может показаться то, что вслед за прибалтийской чудью в списке сразу упомянута верхневолжская меря — но в контексте космографического введения все славяне (в том числе словене и кривичи) еще пребывают на дунайской «прародине» и не добрались до северных земель, в отличие от руси, пребывающей рядом с чудью на Варяжском море. В следующем списке племен, «иже дань дают Руси», где перечислены «чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордъва» и т. д.²³, *весь* приближена к племенам, призывавшим варягов, в том порядке, в котором помещаются на столы призванные варяги под властью Рюрика — в Ростове у мери, Белоозере у веси, в Муроме у муромы²⁴.

Три «чудских языка», упомянутые в списке вслед за чудью, — меря, мурома, весь — наряду с самой чудью оказываются подвластными призванным князьям. Племен данников становится не три, а шесть — вместе с расселившимися на севере словенами и кривичами. Не эпическая (фольклорная) память, а государственная (княжеская) традиция о языках, «иже дань дают Руси» («чюдь, меря, мурома, весь» и т. д.)²⁵, лежала в основе летописного повествования. Взаимодействие племен севера Восточной Европы²⁶ позволяет предполагать наличие межплеменной «конфедерации» как некоего предгосударственного образования (с межплеменным центром в Ладогe), призвавшего варяжских князей²⁷. Существенно, что летописная традиция настаивала на конфликтах, разразившихся в «конфедерации» после изгнания варяжских данщиков: «не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ»; «начаша владети сами собе и города ставити [...] и вѣсташа град на град» в редак-

²⁰Ср. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 214; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 69–82.

²¹ПВЛ. С. 8.

²²*Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Русь и чудь.

²³ПВЛ. С. 10.

²⁴Там же. С. 13.

²⁵Там же. С. 10.

²⁶*Башенькин А.Н.* Финно-угры, балты, славяне и скандинавы.

²⁷Ср.: *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011. С. 101–102.

ции НПЛ²⁸. В родоплеменном («варварском») обществе невозможна общая «правда»: сама этнонимия (ср. противопоставление *словене* — *чудь*, владеющие «своим» языком — словом, и «чужие») свидетельствует о неизбежности конфликтов, особенно когда речь должна была идти о распределении получаемых на международных торговых путях богатств. На севере Европы существовала известная всем участникам событий «нейтральная» сила, которая давно проявляла активность на международных путях: то были варяги, которые не пользовались на этих путях даже племенными именами (типа *свеи* — «свои»), а употребляли дружинное наименование *русь* — «*гребцы*». Новгородская летопись замечает, что князь должен быть призван, чтобы «владел нами и рядиль ны по праву»²⁹ — это было основание новгородской (древнерусской) «вечевой» традиции, подчиняющей князя собственному праву: в средневековую эпоху — эпоху становления «самодержавства» этот мотив изымается из сюжета призвания князей³⁰.

Энтузиасты Ладоги как первой столицы Руси придают особое значение ипатьевскому варианту варяжской легенды, согласно которому призванные князья сначала пришли к словенам и «срубили» город Ладогу, где сел старейший Рюрик: Новгород он создал после смерти братьев, передав своим мужам их волости³¹. Ладогу действительно следует считать древнейшим городским центром, где сталкивались интересы этнических общностей Северо-Запада Восточной Европы — балтов, прибалтийских финнов, славян и скандинавов³², но для источникововедения варяжской легенды существенно, что Новгородская летопись, настаивающая на первенстве «новгородский волости» даже перед Киевом, игнорирует пригород, не желая уступать первенства Ладоге³³.

Данные археологии, в том числе немногочисленность в Белоозере веских древностей и отсутствие там древностей IX в., провоцируют на поиски предшественника древнерусского города, каковым в Белозерской округе оказывается поселение Крутик: там обнаружены

²⁸НПЛ. С. 106.

²⁹НПЛ. С. 106.

³⁰Петрухин В.Я. Начало Руси: древнерусская традиция и средневековая историография. Миф, правда и вымысел // Славяноведение. 2012. № 2. С. 3–7.

³¹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

³²Ср.: Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003; Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 91.

³³Ладога появляется лишь в переименованном и сокращенном (в сравнении с ПВЛ) рассказе о судьбе наследника Рюрика Олега, который отправляется за море через Новгород и Ладогу, где встречает смерть (НПЛ. С. 108).

материалы, свидетельствующие о ранних контактах скандинавского и финского миров³⁴. Впрочем, материальная культура практически всех упомянутых памятников — Ладоги, Городища и Новгорода³⁵, Крутика и Белоозера — отражает контакты со всеми народами — от прибалтийской чуди до приуральской перми³⁶, которые, по летописи, дань дают Руси. Опираясь на сеть этих поселений и сложившиеся связи, начальная *русь* — княжеская дружина варяжского происхождения — могла контролировать эти пространства, претендуя на дань.

ЛИТЕРАТУРА:

Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 98–160.

Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1.

Башенькин А.Н. Финно-угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 119–131

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.

Голубева Л.И., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Казанский М.М. О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 330–336.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008.

Кулешов Вяч.С. К оценке достоверности этимологий слова *Русь* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 441–459.

³⁴Голубева Л.И., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

³⁵Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 125–133.

³⁶См. выше примеч. 18, а также: Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

Лебедев Г.С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Историко-археологическое изучение древней Руси. Л., 1988. С. 79–98.

Луото Ю. Балтийские контакты в эпоху каменного века в Финляндии // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 135–144.

Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.

Макаров Н.А. «На Белеозере сеять Вось» (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 119–133.

Максимович К.А. К происхождению этнонима *Русь* в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // КΑΝΙΣΚΙΟΝ: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006.

Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV — первой половины VI века в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 26–72.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чудь // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 40–50.

Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 125–133.

ПВЛ — Повесть временных лет. СПб., 1996

Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Москва; Смоленск, 1995.

Петрухин В.Я. Начало Руси: древнерусская традиция и средневековая историография. Миф, правда и вымысел // Славяноведение. 2012. № 2. С. 3–7.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайт. М., 1971.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

Седов В.В. Этногеография Восточной Европы середины I тыс. н. э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 9–15.

Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006.

Смокотина Д.В. Балтийско-каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): Опыт исторической реконструкции. Томск, 2012.

Соколов С.В. Концепции происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дисс... к. и. н. Екатеринбург, 2011.

Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000.

Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. II.

Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2.

Korkkanen I. The Peoples of Hermanaric, Getica 116. Helsinki, 1975.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме участия финских народов в складывании древнерусской государственности и формировании этнокультурного ландшафта Древней Руси. Рассматриваются этнокультурные контакты скандинавов, славян и финнов. Привлекаются данные письменных источников, прежде всего летописей, археологии, исторической лингвистики и этнографии. В центре внимания — источниковедческий анализ упоминаний финских племен в «Повести временных лет».

Ключевые слова: Древняя Русь, финские народы, славяне, археология, текстология летописей, этнокультурные контакты.

ABSTRACT

The article deals with the participation of the Fennic peoples in the consolidation of Old Russian statehood and the formation of ethno-cultural

landscape of ancient Russia. The author discusses the ethnic and cultural contacts of Scandinavians, Slavs, and Finns basing on written sources, primarily chronicles, archaeology, historical linguistics, and ethnography. The source-critical study of references to Finnish tribes in the *Primary Chronicle* is in the focus of the analysis.

Key words: the emergence of Ancient Rus', Fennic peoples, Slavs, archaeology, textual analysis of the chronicles, ethno-cultural contacts.